

5.03.03.

Панфилов Евгений

Не забуду мать родную

Как танцуют в тюрьге и на пикнике

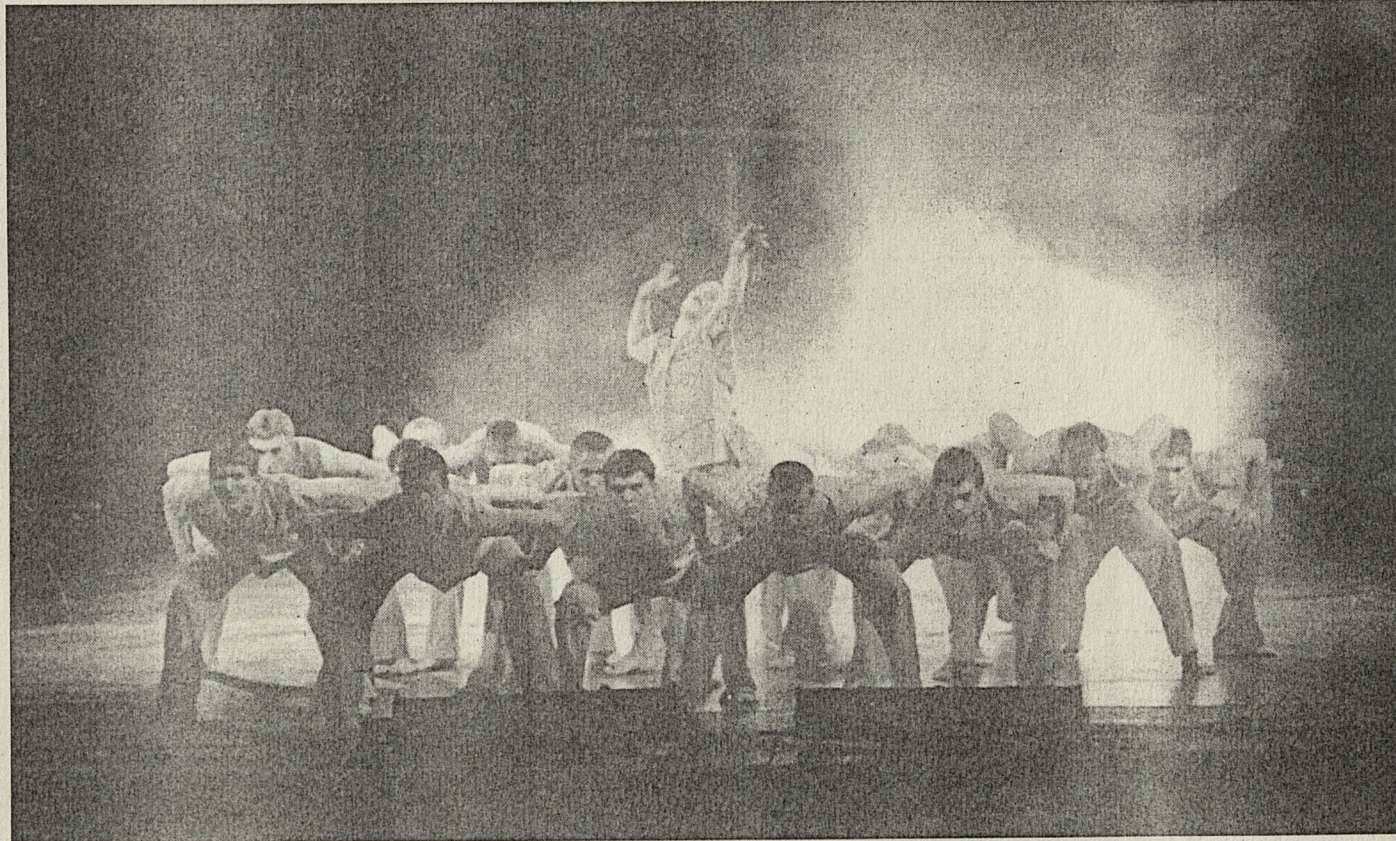
Независимая - 2003 - 5 марта - с. 7.

39. 22.2

Мая Крылова

Пермский хореограф Евгений Панфилов поставил «Тюрягу» незадолго до своей трагической гибели. Проект был сделан специально для новой, третьей по счету, труппы Панфилова «Бойцовский клуб». Напечатав в городских газетах объявление о создании «силовой» мужской компании, Женя Панфилов сумел привлечь к искусству танца ребятню с улицы – так же как до этого привлек обыкновенных граждан больших размеров для беспрецедентного «Балета толстых». Мальчишки только начинали учиться сценическим премудростям, когда Панфилова не стало.

«Тюряга», показанная на гастролях «Бойцовского клуба» в Театре наций, – второй спектакль «качков», и в нем нескрываемы многочисленные приметы самодеятельности. Но это тот самый случай, когда неотесанность используется программно: так время от времени делают в кино, когда на главные роли приглашают непрофессиональных актеров. При этом важно максимально использовать фактуру, подобрав подходящие сценические обстоятельства. Панфилов рассудил, что организованная несвобода тюрьмы, когда на сцене можно



Говорят, что «Тюряга» очень нравится настоящим зэкам.

Фото Юрия Чернова

просто поиграть мускулами, чтобы убедить зрителя, – удобный материал для формирования сценических навыков у вольных культуристов. И способ что-то открыть в брутальном мужском сообществе, где гордятся только силой, но при

этом склонны к особой, звериной сентиментальности из серии «Таганка, навек стубила ты меня» и «не забуду мать родную».

В один вечер с «Тюрягой» показали «Пикник». Бывшая жительница Иркутска Елена

Прокопьева, создавшая там труппу «Крепостной балет», ныне живет в столице. «Пикник», правда, показанный в аскетическом, без декораций, виде, – презентация нового, московского «Крепостного балета». Жанровые танцевальные кар-

тинки, навеянные полотнами Ренуара (мотивы его народных французских гуляний), акцентируют подражание импрессионизму: пожалуйста на каскад сиюминутных впечатлений и мгновенных зарисовок. Впрочем, Ренуар как будто профиль-

трован сквозь призму дамского романа, которым и зачитываешься, но одновременно над ним же и насмехаешься. Этакое сюси-пуси, но на современный лад, когда сюси – всерьез, а пуси – уже с иронией. Девушки хлопают глазами, мальчики – ладошками, немножко брейка, щепотка прыжков с ужимками, толика кукольной пластики и финальная «живая картина»: живописно сидящие люди среди корзинок с яблоками и вином.

«Тюряга» и «Пикник» случайно оказались в одной программе. Но неожиданно образовали дилогию. У Панфилова анализируется воспетая многими, от Высоцкого до Розенбаума, романтика зоны, у Прокопьевой – массовая мифология «красивой жизни». Он эстетически оформляет сегодняшнюю грубость нравов, работая в обстановке нар и параша, она по-женски педалирует бывшее изящество, балуясь с кружевными «штучками». Ее ностальгическая игровая атрибутика – оборотная сторона его жесткой неигровой действительности. В мире, где поют песни Мерилина Менсона и «Раммиштайна» (фонограмма «Тюряги»), обязательно должно быть и сюси-пуси на белой скатерти. Для сохранения мирового равновесия. ■